

Построенная на материалах карто- теки исторического словаря белорусского языка (Минск, Институт языкознания им. Якуба Коласа АН БССР), книга А. М. Булыко представляет собой словарь старобелорусских заимствований (около 4 тыс. статей), которому предпослано вступление. В конце издания приведен список использованных источников, а также условные сокращения. Материалы литовского языка представлены в данной книге полсотней примеров, — так сказать, признанных и непризнанных литуанизмов — и в этом смысле обсуждаемая работа представляет известный интерес для балтийского языкознания.

Не может быть двух мнений относительно того, что в избранном аспекте рецензии — литуанизмы как часть старобелорусских заимствований — книга К. Яблонскиса „Литовские слова в канцелярском языке старой Литвы“ (К. Jablonskis, *Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje*, Kaunas, 1941, 376 стр.) является классикой. И поэтому о любом шаге вперед в изучении названной темы можно говорить только исходя из сопоставления с тем, что уже сделано К. Яблонскисом.

Большинство литуанизмов, приведенных в данной книге, уже известно из труда литовского историка: *атоса, бонда, дирванъ, дойлидъ, дякло, жибентяй, кетвиртайня, клуня, ковшъ, кумпъ, лейтъ, лидимо, мезлева, номъ, пакуле, пиркойта, применъ, пундель, ройсто, ройтиникъ, свиренъ, скилондъ, стырта, торпина, торпостай, явктъ, яндула* и др. Однако среди подобных совпадений есть ряд и таких, в которых данные словаря А. М. Булыко хронологически опережают материалы К. Яблонскиса. Ср. соответственно: *дякло* (1457 и 1473), *ендовка* (1578 и 1579), *клоймъ* (1386 и 1568), *койминецъ* (1540 и 1555), *кульша* (1540 и 1556), *склютъ* (1561 и 1599) и т.д.

Для исследователей балтийского вклада в лексику славянских языков такие хронологические поправки, несомненно, имеют определенное значение. В частности, они предостерегают против отождествления древнейших фиксаций литуанизмов в книге К. Яблонскиса с древнейшими их употреблениями в письменных памятниках вообще.

Еще ценнее информация о тех литуанизмах, которые не были отмечены К. Яблонскисом или даже пока остаются неизвестными в литературе предмета. К первым следует отнести слова: *грика* „гречиха“ (в отличие от позиции автора см. — *Valtistica V 54*), *крушня* ‘куча камней’, *лупы* ‘губы’ (автор ошибочно определяет это слово как полонизм) и *скитера* ‘вид сала’ (происхождение этого термина автор оставил без объяснения — см. однако *Мовознавство 3 1969 19*), которые, таким образом, получают свои хронологические ориентиры в письменных памятниках — соответственно: 1571, 1591, 1787 и 1540 гг. В числе вторых можно назвать термин *сойты* предмет чарадейства“: тая Лукшовна так дала ми якиес сойты на пна моего Садовского (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею, XXXII, 102, 1596 г.). В основе данной лексемы, также приведенной без этимологии, следует видеть лит. *saitai* ‘узы’, также ‘пророчество,’ ‘талисман’, отмеченное еще в словаре Сирвидаса (см. Е. Fraenkel, LEW 756). Ср. в памятниках другое литовское заимствование из этой же сферы *бурта* ‘чародейство’ (старопольское *burta*, указываемое автором, является литуанизмом).

По сравнению с трудом К. Яблонскиса в книге А. М. Булыки рассмотрен несколько иной состав письменных памятников. Этим и объясняется появление новых литуанистических материалов в издании „Даунія запазычанні беларускай мовы“, публикация которого, помимо прочего, бу-

det способствовать также и развитию исследований прежде всего в области литовско-белоуусских языковых контактов.

К сожалению, в своих этимологических разработках автор не указывает того научного аппарата, который он при этом использовал. Нет, кстати, и упоминания

о труде К. Яблонскиса. Очевидно, центр тяжести этого издания смещен в сторону подачи иноязычного материала старобелорусских памятников, тогда как его более детальная теоретическая разработка оставлена на будущее.

А. П. Непокупный

Jānis Endzelīns', **Comparative Phonology and Morphology of the Baltic Languages**, translated by William R. Schmalstieg and Benjaminš Jēgers, "Mouton", The Hague – Paris, 1971, 360 p.

Nuo Janio Endzelyno veikalo „Baltu valodu skaņas un formas“ pasirodymo jo gimtinėje praėjo jau dvidešimt penkeri metai. Suprantama, mūsų audringoje – atradimų, moklo laimėjimų – epochoje ketvirtis šimtmečio labai ilgas laiko tarpas, negalėjęs nepalikti pakitimų ir baltų kalbų moksle. Tačiau nepaisant visų pakitimų, latvių mokslininko veikalas ligi šiol, tur būt, tebelieka pačiu geriausiu lyginamosios baltų kalbotyros vadovėliu šios disciplinos studentams, o kartu, kaip teisingai pastebima angliškojo leidimo anotacijoje, jis yra ir patogi informacija bet kurios lyginamosios indoeuropiečių kalbotyros šakos specialistams. Tiesą sakant, ši J. Endzelyno knyga iki Kr. S. Stango „Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen“ (1966 m.) išleidimo buvo ne tik vadovėlis ar informacija, bet ir vienintelė baltų kalbų lyginamoji gramatika, o dabar jai lemta tapti pirmąja baltų kalbų lyginamąja gramatika, išleista anglų kalba.

Už anglišką šios knygos išleidimą mes pirmiausia turime dėkoti jos vertėjams, žymiems Jungtinių Amerikos valstijų baltistams – Pensilvanijos Valstijos universiteto profesoriu Viljamui R. Šmolstygui ir Šiaurės Ilinojaus universiteto profesoriu Benjaminui Jėgeriui.

J. Endzelyno veikalas verstas gana įdomiu būdu: iš lietuviško 1957 m. leidimo jį išvertė V. R. Šmolstygas, o vėliau su latviškuoju originalu vertimą patikrino B. Jėgeris. Veikalo vertimas iš tikrųjų buvo nelengvas darbas. Tiesa, J. Endzelyno dėstymo stilius labai paprastas, be galo lakoniškas, ir čia vertėjams tikriau-

siai daug vargo nebuvo. Tačiau jie susidūrė su kitokio pobūdžio keblumais – juk nemaža dalis baltistikos terminų ligi šiol arba visai neturėjo angliškų atitikmenų, arba bent nebuvo labiau nusistovėjusios jų tradicijos. Taigi vertėjams daug kur reikėjo eiti dar niekieno nepramintu keliu¹.

Vertėjai tiksliai išlaikė senąją J. Endzelyno knygos struktūrą, paliko autoriaus vartotą lietuviškų ir latviškų pavyzdžių rašybą, kuri, kaip žinome, šiuo tuo skiriasi nuo atitinkamų oficialiųjų rašybų (tiksliai dėl pedagoginių tikslų jie vietoje J. Endzelyno vartotų *ū, ū* įvedė *ũ, ũ*), paliko net ir senovės prūsų kalbos pavyzdžių vokiškus aiškinimus, kurie kartais, rodos, taip lengvai pakeičiami tiksliais angliškais atitikmenimis.

Lietuviškų ir latviškų vietovardžių angliškame tekste, kaip ir reikėjo laukti, pateikiamos vardininko formos. Šio linksnio atstatymas vertėjams kartais sukėlė tam tikrų sunkumų (plg. *Rietava, Skuoda*, vietoje Rietavas, Skuodas, p. 22).

Kai kuriais atžvilgiais angliškasis J. Endzelyno knygos leidimas yra net tobulesnis už latviškąjį ar lietuviškąjį leidimą, būtent,

¹ Neveltui vienas vertėjų vėliau tapo ir lietuvių-anglų kalbų lingvistinių terminų žodynelio autoriumi, plg. *Lithuanian-English Glossary of Linguistic Terminology*, by William R. Schmalstieg and Antanas Klimas. Department of Slavic Languages, The Pennsylvania State University, 1971.